

Н. В. Вулих

«ТРИСТИИ» И «ПОСЛАНИЯ С ПОНТА» ОВИДИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сколько яркости в описании чуждого
климата и чуждой земли! Сколько живости
в подробностях!

А. С. Пушкин

ПОЭЗИЯ Овидия периода изгнания представляет большой интерес и для историка-античника, и для филолога. Это драгоценный источник по истории греческих городов побережья Черного моря в первые десятилетия I в. н. э. и вместе с тем уникальный памятник культуры «века Августа». Исследователь античной культуры и литературы имеет редкую возможность проследить особенности работы древнего автора в необычных для него условиях, его взаимоотношения с миром иной культуры, с непривычной природой и населением.

После Международного конгресса в Сульмоне, происходившего в 1958 г., и съезда, посвященного Овидию, проведенного Международным научным обществом «Овидианум» в августе 1972 г. в Констанце, интерес филологов-классиков и историков к творчеству этого поэта заметно возрос. В научной литературе, появившейся в последние годы, и на конгрессе в Констанце проблемам исторической достоверности многих «реалий» сообщаемых Овидием в «Тристиях» и «Посланиях с Понта», уделялось большое внимание¹. Следует отметить, однако, что чрезмерное доверие Овидию и забвение того обстоятельства, что поэтический памятник требует к себе особого подхода, приводит некоторых зарубежных ученых к ошибочным выводам и всякого рода «фантастическим» предположениям. При современном состоянии нашего понимания творчества Овидия в целом следовало бы несколько пересмотреть и проблемы, связанные с пребыванием Овидия в Томи.

Вопрос о причинах изгнания поэта, которому посвящена обширная научная литература, остается за пределами данной работы. На основании многочисленных наблюдений, сделанных учеными, можно считать установленным, что отношение Овидия к Августу никогда не выходило за рамки чисто «официального» соблюдения своего рода «этикета», требовавшегося от римского гражданина и что даже в поэзии изгнания образ принцепса подается подчас не без насмешливости и иронических замечаний, особенно характерных для начального периода жизни поэта в Томи, в

¹ M. Munteanu, Informațiile date de Ovidiu despre populația teritoriului rural Dobrogei în comparație cu alte izvoare documentare. «Pontica» V, 1972, стр. 429; доклады на конгрессе в Констанце в августе 1972 г.: Fr. Barone, De Ovidii Tomitana peregrinatione; Ant. Freire, Cur Tomos Ovidius exulare coactus sit; R. Vucanescu, Aspects de civilisation et culture gécète chez Ovide.

время которого были написаны первые три книги «Тристий»². Можно проследить известные перемены в линии поведения Овидия и самом характере его поэзии с 13—14 г. н. э., когда надежды на возвращение постепенно гаснут, а условия жизни в Томи улучшаются. О том, что поэт начинает в это время активно выступать на побережье и как римский гражданин и как поэт, прославляющий принцепса и своих высокопоставленных друзей, свидетельствуют «Послания с Понта», особенно четвертая книга этих посланий, несомненно, составленная кем-то из друзей поэта после его смерти³. Именно в эту книгу вошли стихотворения, рассчитанные не столько на римских читателей, сколько на аудиторию «томитов», которых поэт как бы знакомит со своими высокопоставленными друзьями, рисуя и себя самого в этих элегиях как безупречного римского гражданина, пострадавшего из-за изменчивости фортуны. Потеряв былую славу в Риме, которой поэт так дорожил, он находит себе новых слушателей и почитателей, возвеличивающих его и как влиятельного римлянина, и как единственного великого поэта Понтийской земли. Тяжесть одиночества, столь невыносимого именно для античного человека, заставляет Овидия искать общения с окружающим населением, связи с которым не только облегчают его существование, но и создают ему ту политическую репутацию «лояльности» и «безупречности», которая, как представлялось ему и его римским друзьям, могла помочь вернуться, наконец, на родину.

Конечно, все эти произведения Овидий слагал не на гетском, а на греческом языке, а возможно, выступал и с рецитациями латинских стихотворений, после того как приток римлян и романизация побережья усилились в конце жизни Августа и в первые годы правления Тиберия.

Взаимоотношения Овидия с местным населением и отражению в его элегиях различных сторон жизни в Томи и посвящена данная работа.

1. Местность и пейзаж побережья Понта в изображении Овидия

Городок Томи, куда был сослан в 8 г. н. э. Овидий, в то время, согласно исследованиям румынских ученых, стоял во главе объединения пяти понтийских городов и был одним из глубоко эллинизированных поселений, переживших эпоху своего расцвета в III в. до н. э. Его процветание объяснялось, по-видимому, выгодным географическим положением. Греческие купцы предпочитали, выгрузив свои товары в Томи, перевозить их до Дукупцы, а после уже по реке направляться в глубь страны. Устье Дуная становилось все более и более опасным для судов из-за постоянно увеличивавшихся песчаных перекатов, и Истрия теряла свое значение морского порта⁴. В Томи имел свою резиденцию и римский *praefectus orae maritimae*, посланный на побережье в последние годы жизни Овидия. Через столетие после смерти поэта этот город стал и до самого конца античности был своего рода метрополией «Левобережья Понта»⁵. В качестве места ссылки был выбран, таким образом, один из процветавших, с точки зрения римлян, городков⁶. Однако в то время, когда туда прибыл Овидий, этот город, как и другие греческие поселения побережья, находился в состоянии постоянной

² W. M a r g, Zur Behandlung des Augustus in den Tristien, «Wege der Forschung», XCII. Ovid. (M. v. Albrecht, E. Zinn), Darmstadt, 1968, стр. 506—507; N. V o u l i c h, La révolte d'Ovide contre Auguste, «Les études classiques», XXXVI, 4, Namur, 1968, стр. 370.

³ H. H. F r o e s c h, Ovids Epistulae ex Ponto I—III als Gedichtsammlung. Diss., Bonn, 1968, стр. 52—54.

⁴ R. V u l p e, Tomi au temps d'Ovide, «Revue Roumaine», 2, 1972, стр. 47.

⁵ Там же, стр. 46.

⁶ Ant. F r e i r e, Sur Tomos Ovidius exsulare coactus sit (доклад на конгрессе в Констанце в августе 1972 г.).

тревоги. Владычество римлян носило здесь скорее номинальный, чем фактический характер, так как римские легионы стояли в провинции Македонии (позднейшая *Moesia superior*), а «Малая Скифия» состояла под протекторатом союзного с Римом племени одризов. Небольшие фракийские гарнизоны, стоявшие на берегах Дуная, еле сдерживали вражеские набеги гетов и бастарнов, усилившиеся после гибели дако-гетского вождя Биребисты, когда вся территория Фракии к северу от Томи и дальше за Дунаем оказалась во власти местных династов. Военственные отряды переходили зимой по замерзшему Дунаю, разоряли селения и уводили жителей в плен. Овидий постоянно пишет об отсутствии мира в Томи, о частых набегах «варваров», о чинимых ими бедствиях и разрушениях. Эти факты, сообщаемые поэтом, современные историки считают соответствующими действительности, и советские исследователи (наиболее осторожные по отношению к сообщениям римского поэта) постоянно привлекают в своих работах, посвященных истории греческих городов побережья Черного моря, данные, почерпнутые из элегий периода изгнания⁷.

Трудности жизни в Томи Овидий постоянно подчеркивает в своих элегиях, но жалобы на набеги варваров прекращаются после 15 г. н. э., когда Л. Помпонию Флакку удалось, по-видимому, установить мир в этих местах⁸. Постоянными остаются, однако, во всех элегиях и посланиях сетования поэта на тяжелые климатические условия и унылый пейзаж, характерный для побережья. Основные черты этого пейзажа как бы складываются в элегиях в некую постоянную картину, вновь и вновь возникающую все в тех же основных чертах во всех элегиях и посланиях с Понта. Римский поэт создает своего рода декорацию, на фоне которой разворачивается тяжелая, полная лишений жизнь прежде избалованного, изнеженного досугом, прославленного в Риме певца любви (*tenerorum lusor amorum*)⁹. Основываясь на ряде реальных фактов, Овидий создает в своих элегиях своеобразный псевдомир, в котором реальность сочетается с привычными для образованного римлянина представлениями о далеком севере, о варварах, об их обычаях и нравах. Историк, ищущему новых «реалий» в произведениях изгнания, очень важно разобраться в самой манере работы поэта. Во всех произведениях, написанных в Томи, Овидий выдвигает на первый план то обстоятельство, что на побережье господствует холодный, почти «полярный» климат. Поэт придерживается в этом отношении того традиционного представления о Фракии и Скифии, которое было свойственно образованным римлянам «века Августа». Страбон сообщает о господствующих на Понте холодах¹⁰, Вергилий рассказывает, что толщина снега достигает в долине Истра «семи локтей»¹¹, Проперций называет гетов *hiberni* «зимние» и замечает, что реки замерзают в их стране до самого дна¹². Сам Овидий в «Метаморфозах» утверждал, что Скифия, лежащая под созвездием Большой Медведицы, является царством Борея¹³, что именно здесь обитает богиня голода и живут боги бледности и страха¹⁴. Теперь же в этот легендарный северный край попадает сам автор «Мета-

⁷ Т. В. Блаватская, Западнопонтские города в VII—I веках до н. э., М., 1959, стр. 181; Т. Д. Златковская, Мёзия в I—II в. н. э., М., 1951, стр. 35, 55, 56 и др.; Е. С. Голубцова, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, М., 1951, стр. 13, 15; Д. П. Каллистов, Северное Причерноморье в античную эпоху, М., 1952, стр. 161—162.

⁸ R. Vulpe, Ovidio nella città dell'esilio, «Studi Ovidiani», Roma, 1959, стр. 58.

⁹ Этот контраст Овидий часто подчеркивает в своих элегиях: Trist. V, 7, ст. 21—22; IV, 10, ст. 1—2; I, 5, ст. 71—75; V, 10, ст. 21—22.

¹⁰ Strabo, II, 1, 16.

¹¹ Verg., Georg. III, ст. 354—355.

¹² Propert., IV, 3, ст. 9, 47—48.

¹³ Met. I, ст. 64—65.

¹⁴ Met. VIII, ст. 788 и сл.

морфоз», становящийся свидетелем и зрителем тех суровых и грозных явлений природы, о которых повествуют многие никогда не бывавшие здесь современники поэта. Вечный холод, лед и снег, мертвенные краски степного пейзажа становятся у Овидия своего рода «символом» состояния его души и характеризуют ту смертельную тоску, какой как бы пронизана вся природа Понта¹⁵. Однако в описаниях понтийской природы у Овидия можно заметить известную линию развития. Среди картин скифской зимы выделяется знаменитая 10-я элегия третьей книги «Тристий». Опираясь на описание зимы у Истра, данное Вергилием в «Георгиках», Овидий расцвечивает его новыми красочными деталями, многие из которых почерпнуты из реальной действительности. Как типичный римский поэт «александрийской школы», Овидий ищет именно этих деталей (*Kleinmalerei*), как бы вступая в соревнование со своими прославленными предшественниками. Следует подчеркнуть, что историк может найти именно в этих деталях еще много новых, ранее не замеченных, важных для него «реалий». Поэт изображает себя в элегии удивленным свидетелем того, как через Истр по «новым мостам» (ледяным) переезжают сарматы на своих запряженных волами повозках. На его глазах даже широкое море покрывается блистающей коркой, и пораженный Овидий видит, как рыбы висят под его ногами, скованные льдом. Та блистающая поверхность, по которой с робостью ступает римский изгнанник, похожа, в сущности, на мозаичные полы римских вилл, расцвеченные столь излюбленными у мозаичистов изображениями рыб. Лед напоминает этому высокообразованному ценителю искусства мрамор, а суда, неподвижно застывшие в снежном безмолвии, похожи на изваяния¹⁶. Заимствуя у Вергилия отдельные детали описания внешности жителей этих краев: смерзшиеся в броню одежды, повисающие в бородах сосульки¹⁷, Овидий добавляет к этому и картину мелодично звенящих в волосах варваров прозрачных льдинок¹⁸. Замечание Вергилия о том, что вина в этих местах рубят топором¹⁹, Овидий переоформляет в рассказ о том, что замерзшее вино сохраняет форму сосудов и застывшую влагу едят кусочками²⁰. Автор «Метаморфоз» видит в северной зиме как бы серию различных превращений: воду в прудах копают, Аквилон срывает башни и уносит крыши с домов, снег может в тенистых местах лежать по два года²¹. В этом стихотворении перед нами выступает любимец римских читателей, еще не потерявший надежды на возвращение. Он не только вызывает к сочувствию, но и в своем новом положении пытается остаться блистательным художником. Та природа, которая описывается в этом стихотворении, уникальном среди элегий изгнания, как и природа поэмы «Метаморфозы», *simulaverat artem ingenio natura suo* (уподобляется искусству благодаря присущему ей гению)²². В дальнейшем, по мере того как пребывание поэта на Понте все затягивается и затягивается, «зимние чудеса» оборачиваются для Овидия лишь своей мрачной и тягостной стороной. В какой степени холодный климат и зимний пейзаж, столь постоянные в поэзии изгнания, соответствуют реальной действительности? Авторитет-

¹⁵ Trist. V, 10, ст. 1—2; 13, ст. 22; Ex Ponto III, 1, ст. 15—16; IV, 7, ст. 7—9, 35—86; 10, ст. 33—34 и др.

¹⁶ Trist. III, ст. 9—50; Verg., Georg. III, ст. 349—366.

¹⁷ Verg., Georg. III, ст. 360—366.

¹⁸ Ovid., Trist. III, 10, ст. 19—22.

¹⁹ Verg., Georg. III, ст. 364.

²⁰ Ovid., Trist. III, 10, ст. 23—24. Я. М. Боровский обратил мое внимание на то, что в Молдавии особым лакомством, называемым «выморозками», считается та спиртовая часть вина, которая остается после того, как вода, входящая в состав вина, превращается в лед. Возможно, что в свидетельствах Вергилия и более точных указаниях Овидия сохранились воспоминания о подобном «лакомстве».

²¹ Ovid., Trist. III, ст. 25—26, 47—48, 45—46.

²² Met. III, ст. 158—159.

ными мы должны считать в первую очередь свидетельства обитателей современной Констанцы. Один из известнейших исследователей истории древней Добруджи, с величайшим уважением относящийся к свидетельствам Овидия, Р. Вульпе, считает, что в этих описаниях поэта можно найти элементы «реальности». Р. Вульпе пишет, что в Констанце и в наше время бывают суровые зимние дни с температурой -20° . Он вспоминает, что в 1929 г. на побережье можно было видеть, по его выражению, «полярный пейзаж»²³. Мелкое у берегов море действительно замерзает иногда на сравнительно широком пространстве. Комментируя замечание поэта о том, что снег может в тенистых местах лежать «по два года», румынский исследователь готов отнести его к описанию горных вершин в Карпатах²⁴. Таким образом, римлянин, живший в Томи 2000 лет назад, мог быть удивлен и потрясен картиной зимы, не столь частой в этих местах, но и не созданной просто его фантазией. Значит, даже в этом описании, казалось бы, столь неправдоподобном для южной, с нашей точки зрения, Констанцы, имеются реальные наблюдения. Это обстоятельство заставляет нас быть очень внимательными ко всем «реалиям», встречающимся у Овидия. Вместе с тем мы не можем не обратить внимания и на другую сторону вопроса. Климат Констанцы характеризуется не только редкими морозами зимой, но и сильной жарой в летние дни, о которой Овидий не говорит никогда. Он лепит свою картину из точно подобранного материала и окрашивает ее в те тона, которые служат четкой художественной задаче. Из крупиц реальности вырастает гиперболизированный «обобщающий образ» места изгнания. Он складывается не только из элементов «зимнего пейзажа», но и из картины унылой степной природы, действительно характерной для побережья. Но и «степной пейзаж» тоже в значительной степени «гиперболизирован» поэтом. Унылая пустынная равнина, с точки зрения римских поэтов также характеризует далекий север. В заключительной оде второй книги Гораций пишет, что, воспарив над землей, как лебедь, он увидит степную равнину гиперборейцев и гетов²⁵. Этот поэт представляет себе северные края как пустынную страну, в которой нет деревьев, покрывающихся листьями весной, а небо, простирающееся над равниной, всегда покрыто тучами²⁶. Еще Геродот сообщает о том, что севернее Истра лежит бесконечная пустыня²⁷. У римских поэтов на основании этих сообщений географов и историков создается обобщающее поэтическое представление о пустынности северных земель. Овидий и в данном случае, так же как и при описании зимы, следует за «традиционной» точкой зрения, уснащая, однако, эту основу целым рядом новых «реалий». Земледелие было, как известно, основным занятием местного гетского населения, и поля далеко не всегда были столь унылыми и заросшими сорной травой, как их изображает Овидий, хотя, конечно, от постоянных вражеских набегов страдал больше всего *ager Tomitanus*²⁸.

В «Послании жене», которым открывается третья книга «Посланий с Понта», поэт дает обобщающую картину понтийского пейзажа, отдельные

²³ Vulpe, Ovidio..., стр. 54; о н же, Tomi ..., стр. 48. И. Е. Бучинский в своей книге «О климате прошлого русской равнины» (Л., 1957), основываясь на свидетельстве Овидия о том, что Истр замерзал три года подряд (Trist. V, 10, ст. 1—2), выдвигает предположение, что климат на побережье 2000 лет назад был более холодным и влажным (стр. 46). Автор ошибается, однако, в датировке. В 8 г. н. э. Овидий еще не жил на Понте. Он прибыл туда лишь в 9 г. н. э., от которого следует отсчитывать упомянутые три года.

²⁴ Vulpe, Tomi..., стр. 48.

²⁵ Horat., Carm. II, 20, ст. 13—16.

²⁶ Horat., Carm. I, 22, ст. 17—20.

²⁷ Herod., V, 9.

²⁸ Vulpe, Tomi..., стр. 48.

детали которого постоянно встречаются во всех его элегиях и посланиях. Земля Понта, по его словам, никогда не увенчивается венком весенних цветов, она не видит на своих полях обнаженных тел жнецов, осень не дарит ей узорных лоз, отягченных гроздьями винограда. Редко, да и то чахлое, дерево поднимается среди равнин. Птицы лишь иногда прилетают из отдаленных лесов к побережью, чтобы утолить жажду. Печальная полынь торчит среди необработанных полей — горькая жатва, достойная этой горькой земли ²⁹. В сходных чертах изображен этот пейзаж и в «Тристиях».

Так, если царствует мир, всегда мы боимся сражений,
Брошена, сохнет земля, сорной покрывшись травой.
Грозд виноградный не прячется здесь под узорною тенью,
Чаны не пенятся здесь, огненной влагой полны.
Яблок здесь нет, и не знаю, на чем написал бы Аконтий
Клятву, которой связать мог бы Кидиппу свою.
Только взгляни на пустые поля без деревьев, без тени:
Не для счастливых людей грустная эта земля.
В век, когда так широко весь мир открыт перед нами,
Найдена эта страна, чтобы меня покарать ³⁰.

Образованный римлянин «века Августа» ценит в природе ее «культивированность», богатство растительности, искусственные пещеры и гроты источники, храмики и статуи, оживленные морские берега ³¹. Именно такие пейзажи, столь характерные для римской стенной живописи и садово-паркового искусства, с блестящим мастерством описаны в «Метаморфозах» Овидия ³². В поэзии изгнания этот поэт все время подчеркивает несоответствие понтийского пейзажа привычному для него представлению о *locus amoenus* ³³. Он называет берега Понта *deformia* ³⁴ «уродливыми», местность *inamabilis* ³⁵ «лишенной прелести». С грустью вспоминает он в послании поэту Северу свои сады, расположенные на покрытых пиниями холмах вблизи Рима ³⁶. На окружающий его в изгнании мир природы Овидий смотрит глазами римлянина «века Августа», и вместе с тем в отдельных деталях поэт обнаруживает свойственную ему остроту зрения. Так, например, в послании к Северу, как бы надевая привычную маску подражающего Тибуллу элегического поэта, он сообщает другу, что готов был бы и в Томи посвятить себя сельским занятиям. Он рисует образ пастуха и картину пасущихся по обрывистым скалам коз, как бы срисованную с привычных для римлянина стенных росписей ³⁷. Но тут же к этому «традиционному» описанию он присоединяет рассказ о пахаре, который понукает «гетскими окриками» волов, тянущих его плуг ³⁸. Говоря об облегчении, какое приносит ему поэзия в тяжелые дни изгнания, он сопоставляет свою

²⁹ Ex Ponto III, 1, ст. 7—25. Р. Вульпе замечает, что в действительности леса 2000 лет назад были расположены гораздо ближе к морю, чем это изображает Овидий (Vulpe, Ovidio..., стр. 53).

³⁰ Trist. III, 10, ст. 69—78.

³¹ A. Maiuri, La peinture Romaine, Genève, 1953, стр. 118—138; K. Schef-fold, Pompejanische Malerei (Sinn und Ideengeschichte), Basel, 1952, стр. 76—80.

³² P. Grimal, Les jardins Romains, P., 1943, стр. 104—338; о н ж е, Les Métamorphoses d'Ovide et la peinture paysagiste à l'époque d'Auguste, REL, 1938, стр. 145.

³³ G. Schönbeck, Der «locus amoenus» von Homer bis Horaz. Diss., Mecklenburg, 1962, стр. 14—17.

³⁴ Trist. V, 2, ст. 63; Ex Ponto III, 8, ст. 15.

³⁵ Trist. V, 7, ст. 43.

³⁶ Ex Ponto I, 8, ст. 49—51.

³⁷ Ex Ponto I, 8, ст. 49—51.

³⁸ Ex Ponto I, 8, ст. 53—59.

песню с той, которая помогает местным жителям тащить тяжело груженную лодку на канате, утопая в береговом иле ³⁹, сравнивает пустынную степную равнину с морем ⁴⁰.

Особый интерес вызывал у Овидия в это время Дунай — эта, по мнению Страбона, самая большая река Европы ⁴¹. Как и Геродот, Овидий сравнивает ее с великой рекой Египта, «папирусоносным Нилом» ⁴². Ученый поэт, ищущий, по собственному признанию, как скоротать время, он дает каталог впадающих в Черное море рек и рассуждает о свойствах воды этого моря. Заболоченность устья Дуная, обилие пресной воды, вливающейся в Понт, делает, по мнению Овидия, морскую воду малосоленой и разжижает ее цвет ⁴³. Эти наблюдения, соответствующие реальности, по словам Р. Вульпе, «делают честь» римскому поэту ⁴⁴. Привыкший ценить чистую и прозрачную воду в Риме и Италии, Овидий постоянно жалуется на «болотную» воду гетских ключей, скорее усиливающих, чем утоляющих жажду ⁴⁵. Своеобразный местный колорит часто проникает даже в мир художественных сравнений в поэзии изгнания. Поэт пишет, что его талант ослабевает, и ему кажется, что он «пашет бесцельно сухой берег плугом» ⁴⁶; подобно тому как ил затягивает здесь источники, его «душа заболачивается илом несчастий» (*pectora sic meo limo vitata malorum*) ⁴⁷, его дарование становится вялым от окружающего его на Понте холода ⁴⁸, и автор элегий не меньше ненавидит место своего изгнания, чем обработанное поле сорные травы, а ласточка холод ⁴⁹. Вместе с тем этот глубоко человеческий и обаятельный поэт древности трогательно радуется тем чертам суровой природы Понта, которые напоминают ему далекую Италию. Хотя, как он сам пишет, Понтийская земля никогда не увенчивается весенним венком, и сюда прилетает весной первая ласточка и никем не посеянные фиалки поднимаются над этой заброшенной землей, вызывая восхищение детей «варваров», похожих в этом отношении на всех детей на земле.

Вот собирают фиалки в полях веселые дети.

Выросли сами цветы, их не посеял никто.

Пышно оделись луга в весенний убор разноцветный,

Птица напевом простым нам возвещает весну.

Чтобы загладить вину жестокой матери Прокны,

Прямо под крышей гнездо ласточка строит себе.

Травы, сокрытые глыбой недавно распаханной нивы,

Подняли нежный росток из разогретой земли.

Там, где растет виноград, вспухает почка на ветке.

Но ведь от Гетской земли так далеко виноград!

Там, где дерево есть, побеги на нем зеленеют,

Но ведь от Гетской земли дерево так далеко ⁵⁰!

³⁹ Trist. IV, I, ст. 3—9.

⁴⁰ Ex Ponto III, 1, ст. 20.

⁴¹ Strabo, VII, 1, 1.

⁴² Trist. III, 10, ст. 27; Herod., IV, 50.

⁴³ Ex Ponto IV, 10, ст. 45—65, 67—68.

⁴⁴ Vulpe, Tomi..., стр. 48.

⁴⁵ Ex Ponto III, 1, ст. 17—18; II, 7, ст. 74; Trist. IV, 8, ст. 26; Trist. III, 3, ст. 5.

⁴⁶ Ex Ponto IV, 2, ст. 15—16.

⁴⁷ Ex Ponto IV, 2, ст. 17—19.

⁴⁸ Ex Ponto III, 4, ст. 32—33.

⁴⁹ Ex Ponto IV, 14, ст. 13—14.

⁵⁰ Trist. III, 12, ст. 5—16. Никто еще не обратил внимания на то, как близко это описание к Fast. III, ст. 235 и сл. Вообще в поэзии изгнания очень много общих мотивов с этой поэмой, над которой, как известно, он также работал в Томи.

2. Город Томи и взаимоотношения Овидия с местным населением

Самый город, его внешний вид и жители обрисованы Овидием довольно скупо. Как в окружающем пейзаже, так и в картинах городской жизни автор подчеркивает мрачные «варварские» черты. Однако драгоценные реалии могут быть обнаружены и в этих по существу тенденциозных описаниях. Поэт называет город *Castellum*⁵¹, рассказывает, что его окружала низкая стена с башнями, одна из которых служила для наблюдения над окрестностями⁵². Возвышенность местности и стены создавали некоторые благоприятные условия для обороны⁵³. Одни из двух ворот, по мнению А. Арическу, служили для сообщения с портом⁵⁴. Во время земляных работ в Констанце было обнаружено, что в районе площади Независимости, где возвышается ныне статуя Овидия, созданная Э. Феррари, находилась в I в. н. э. центральная площадь с рынком. Раскопки показали, что это место было несколько возвышенным, образуя тот *tumulus*, о котором упоминает поэт⁵⁵. В городе и ближайшем окружении Томи преобладало в то время гетское население⁵⁶. Среди племен, населявших местность между Дунаем и Черным морем, Овидий называет савроматов, бессов, скифов, кораллов и бастарнов. Сравнивая эти данные со свидетельствами Страбона, Помпония Мелы, Птолемея и Плиния, румынский ученый М. Мунтяну приходит к выводу, что поэт дает правильные в основном сведения⁵⁷. Можно считать установленным, что население Томи было смешанным греко-гетским, что жители носили костюм, заимствованный у местных племен, включавший штаны, похожие на персидские шаровары⁵⁸. Зимой геты ходили в полушубках, вывороченных шерстью наружу (*pellibus et longa corpora tecta soma*)⁵⁹. Сравнивая воинственный облик гетов с изображением бога войны Марса⁶⁰, поэт рассказывает, что дикие всадники, пронсящие на своих выносливых конях по улицам городка, вооружены луками и скифскими «горитами»⁶¹. На поясе у них всегда привязаны мечи⁶², и прямо на городской площади иногда происходят кровавые столкновения. «Они не боятся законов, и право подчиняется силе, споры решаются воинственным мечом»⁶³, «прибавь, что несправедливое право осуществляется жестоким мечом и раны наносятся прямо на форуме»⁶⁴. С. Ламбрино на основании этих свидетельств считает, что у гетов существовал обычай «божьего суда». Спор решался как бы божеством, помогавшим победителю. Ученый основывается на том, что поэт употребляет здесь юридическую терминологию (*leges, aequum, iura, ius dicere*)⁶⁵. Однако при помощи терминов, подчеркивающих для римлянина справедливость происходящего на форуме судебного разбирательства, Овидий лишь указывает на жестокость и произвол, характерные для гетов. Возможно, что у них, как и у

⁵¹ Trist. V, 10, ст. 27.⁵² Trist. V, 2, ст. 70; III, 10, ст. 18; IV, 1, ст. 75.⁵³ Trist. V, 10, ст. 17; *tumulus defenditur ipse moenibus exiguis ingenioque loci*.⁵⁴ A. A r i c e s c u, Despre zidul de Aparare al Tomi sului in vremea lui Ovidiu, «Pontica», V, 1972, стр. 442.⁵⁵ Там же, стр. 442—443.⁵⁶ T r i s t. V, 7, ст. 10—13; V u l p e, Tomi..., стр. 47.⁵⁷ M u n t e a n u, Informațiile date de Ovidiu..., стр. 429—438.⁵⁸ Trist. IV, 6, ст. 48.⁵⁹ Trist. V, 10, ст. 33—34.⁶⁰ Trist. V, 7, ст. 17.⁶¹ Trist. V, ст. 15.⁶² Trist. V, ст. 19—20.⁶³ Trist. V, ст. 47—48.⁶⁴ Trist. V, 10, ст. 43—44. В «Фастах» мы имеем сходное противопоставление права и силы (Fast. III, ст. 281—282).⁶⁵ S. L a m b r i n o, Tomes, cité gréco-gète chez Ovide, «Ovidiana», P., 1958, стр. 381—382.

скифов, существовал фетишистский культ меча, о котором упоминается еще у Геродота⁶⁶. Что же касается интерпретации С. Ламбрино, то она вряд ли может быть признана убедительной.

Современные ученые оживленно обсуждают и вопрос о том, действительно ли Овидий изучил гетский язык и достиг в нем такого совершенства, что составил стихотворное произведение на этом языке. Эта проблема требует также внимательного рассмотрения. Если бы этот факт подтвердился, то можно было бы говорить об уникальном в истории античной литературы явлении.

Овидий пишет, что греки и геты разговаривают на каком-то общем языке, хорошо понимая друг друга. При этом греческая речь как бы побеждена гетскими звуками⁶⁷. Однако надписи в Томи, датируемые концом I в. до н. э. и началом I в. н. э., лишены каких бы то ни было «гетских элементов»⁶⁸. Искривление греческого языка у обитателей Томи могло быть и преувеличено Овидием. Тем не менее исследование быта, культуры и языка многочисленных греческих городов Черного моря давно уже привело советских и румынских ученых к неоспоримым выводам, что в этих поселениях всегда происходило смешение местных и греческих элементов⁶⁹. Археологические раскопки в Истрии обнаружили, что такое смешение существовало там уже в VI в. до н. э., а к IV в. до н. э. относится греческая надпись с фрякийским именем должностного лица⁷⁰. Население было, по-видимому, смешанным, как об этом можно судить по описаниям Овидия. Характеризуя язык, на котором изъясняются жители, изученный якобы самим поэтом, он обозначает его двумя прилагательными: *nam didici Getice Sarmaticeque loqui*⁷¹ (так как я научился говорить по-гетски и по-сарматски). В этой строке явно подчеркивается неблагозвучие этой речи (нагромождаются сочетания *ci, se, qui* и *que*). Такое же насмешливое звукоподражание проскальзывает и в стихе: *Graesaque quod Getico vincta loquella sono*⁷². На основании подобных утверждений Овидия некоторые ученые делают вывод, что поэт изучил два языка, гетский и сарматский, и понял отличие этих языков друг от друга⁷³. Между тем постоянные двойные определения, которыми пользуется Овидий, описывая свое окружение, служат лишь для экспрессивного усиления понятия «варварский»⁷⁴. Конечно, если оставаться в тех рамках, какие поставил своим читателям сам поэт, постоянно изображающий себя в окружении гетов и скифов, то его попытка изучить их язык, может быть, и не показалась бы столь неправдоподобной.

Однако для того, чтобы понять некоторые особенности творчества и самого поведения поэта в Томи в последние годы его жизни, нужно убрать «поэтические декорации».

⁶⁶ Herod., 4, 62.

⁶⁷ Trist. V, 10, ст. 35—40.

⁶⁸ Руска Гандева, Овидий и населиението на антична Добруджа, София, 1968, стр. 44. Разговорная речь, однако, могла быть искажена местным произношением, как это было и в Ольвии, по свидетельству Диона Хрисостома (Речь XXXVI, 49, 32), хотя и там греческий язык надписей конца I в. н. э., как указал мне А. И. Доватур, совершенно правильный.

⁶⁹ Каллистов, Северное Причерноморье в античную эпоху, стр. 72 и др.; А. П. Иванова, Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л., 1953, стр. 5—6 и др.; D. Bersiu, A propos de la genèse de la civilisation Latine chez les gèto-daces, «Dacia», N. S., I, 1957, стр. 136.

⁷⁰ Lambrino, ук. соч., стр. 388—389.

⁷¹ Эта строчка повторяется у Овидия дважды: Trist. V, ст. 58; Ex Ponto. III, 2, ст. 40.

⁷² Trist. V, 2, ст. 68.

⁷³ E. Lova, Ovide et la bilinguisme, «Ovidiana», стр. 398—399.

⁷⁴ Trist. II, 3, ст. 6; IV, 1, ст. 94; 6, ст. 47; 10, ст. 110.

В Археологическом музее Констанцы, реорганизованном по случаю 2000-летия со дня рождения Овидия в 1957 г., в специальном зале, посвященном поэту, собраны немногочисленные остатки архитектуры и бытовых предметов, датируемых концом I в. до н. э. и началом I в. н. э. Среди этих остатков можно видеть обломки мраморного фриза с гирляндами и амурами, украшавшего, по-видимому, городской театр, куски барельефа с изображением муз, терракотовые статуэтки, фрагменты керамических изделий, греческие светильники. В одной из витрин выставлена ионическая капитель с богатым орнаментом тонкой работы⁷⁵. На молу древнего порта в Томи находилась мастерская по обработке мрамора, который доставлялся сюда на кораблях⁷⁶. По надписям и монетам известно, что здесь существовал культ Аполлона; в одной из надписей сообщается о пэане, исполнявшемся в его честь. Архонт-эпоним был жрецом этого бога⁷⁷. Кроме того, в Томи почитали Гермеса, Деметру, Диониса, Нептуна, Диоскуров и некоторых восточных богов: Кибелу, Исиду, Сераписа. Одна из триб города (типичного ионического полиса) чтит *Θεοὶ ἐπ' ἑκάστοις* — богов Диоскуров или других греческих богов⁷⁸, как бы объединенных с местными солярными божествами. Таким образом, хотя археологические материалы, относящиеся ко времени жизни Овидия в Томи, и скудны, они, однако, дают основание считать, что римский поэт провел годы изгнания в греческом городе, для которого были типичными элементы греческой культуры и греческого образа жизни. В Томи, возможно, был даже гимнасий, напоминавший гимнасий, существовавший в Истрии⁷⁹. Тут могли выступать поэты и ораторы с речами и речитациями⁸⁰. Это значит, что прославленный поэт древнего Рима, несомненно владевший, как все образованные римляне, греческим языком, мог найти здесь слушателей и почитателей⁸¹. После того как были отражены нападения гетов и бастарнов на придунайские укрепленные пункты (Эгисос в 12 г. н. э. и Тройсмис в 15 г. н. э.) и в Томи был прислан в качестве префекта *огae maritimae* Л. Помпоний Флакк, во вновь организованной провинции Мёзии водворился мир. В Томи усилился, по-видимому, приток римлян, и жизнь в городке стала спокойнее. Именно в это время деятельность Овидия и как римского гражданина, и как поэта активизируется. Внимательное изучение с этой точки зрения «Посланий с Понта», особенно четвертой книги «Посланий», включающей все, что осталось не опубликованным при жизни поэта⁸², может дать исследователю много новых, еще недостаточно изученных и оцененных материалов.

Первое свидетельство Овидия о том, что он выступал в собрании гетов с рассказом о благородстве своих римских друзей, имеется в третьей книге «Посланий», в знаменитом письме к одному из самых близких друзей поэта, М. Аврелию Котте Максиму. Во вступлении Овидий пишет, что извиняет тех римлян, которые покинули его в тяжелое время, объясняя их поведение естественным страхом перед гневом принцепса. Вместе с тем он прославляет своих верных друзей и желает увековечить их в своих стихо-

⁷⁵ В. К а н а р е к е, Археологический музей в Констанце, Констанца, 1967, стр. 71—74.

⁷⁶ Там же, стр. 54—55.

⁷⁷ V u l р е, Ovidio..., стр. 51.

⁷⁸ Там же, стр. 52.

⁷⁹ D. A d a m e s t e a n u, Sopra il Geticum libellum, «Ovidiana», стр. 391—392.

⁸⁰ Там же, стр. 392.

⁸¹ Главным языком, по мнению Н. Эреску, в причерноморских городках в это время был греческий (N. H e r e s c u, Ovide le Gétique, «Atti del convegno Internazionale Ovidiano. Sulmona», I, Roma, 1959, стр. 55).

⁸² W. K r a u s, Ovidius Naso, «Wege der Forschung», XCII, Darmstadt, 1968, стр. 145.

творениях, сравнивая их дружбу с дружбой Тезея и Перифоя, Ореста и Пилада⁸³. Из толпы внимавших поэту гетов внезапно выступил какой-то старец. Заявив, что благородство преданной дружбы высоко чтят не только римляне, но и обитатели берегов Истра, он рассказывает древнюю легенду, которую хорошо знают и сейчас на берегах Понта и Истра. Старик повествует об Ифигении, таинственно прилетевшей на побережье во время царствования Фоанта и неохотно исполнявшей здесь жестокий обряд принесения чужеземцев в жертву Диане. Когда сюда прибыли Орест и Пилад, то Ифигения, узнав, что они происходят из «благочестивого» греческого города⁸⁴ (ее родины), хочет отправить одного из них домой, а другого принести в жертву богине. Каждый из них готов погибнуть, чтобы спасти жизнь друга. Между ними возникает *certamen pulchri amoris*⁸⁵ (состязание в прекрасной любви), а Ифигения тем временем пишет письмо брату. Брат же по воле слепого случая (*humanos casus aspice*)⁸⁶ оказывается перед ней. Удивительная любовь юношей, по словам старца, знаменита среди скифов до сих пор⁸⁷.

Овидий рассказывает все это Котте для того, чтобы побудить просвещенных римлян превзойти в почитании дружбы диких скифов, столь высоко чтящих ее⁸⁸. Поэт считает, что друзья недостаточно энергично защищают его дело в Риме. Существовавший в Херсонесе культ богини Девы, знакомый по античным источникам, литературным и нумизматическим, был, конечно, известен и в Томи, однако та интерпретация, в которой легенда изложена у Овидия, лишена каких бы то ни было местных элементов. Перед нами выступает поэт «александрийской школы», выводящий под маской старого гета глубоко эллинизированного понтийца, сочувствующего гречанке и питающего отвращение к жестокому обычаю древности. В своем рассказе Овидий использовал широко известные греческим и римским читателям источники («Ифигению в Тавриде» Еврипида, трагедии Пакувия «Chryses» и «Dulorestes»). Особенно близко его изложение к еврипидовской трагедии: старец говорит, что Ифигения прилетела чудесным образом по «прозрачному воздуху», у Еврипида упоминается «блеск Эфира»⁸⁹; и в послании Овидия, и в трагедии Еврипида подчеркнута древность обычая⁹⁰ — оба автора рассказывают о том, что кровь оставила следы на алтаре⁹¹. И в том и в другом произведении подчеркивается роль случая в судьбе героев⁹². Некоторые стилистические особенности рассказа у Овидия (например, употребленная им эпическая формула *est locus*⁹³) и то обстоятельство, что в качестве действующего лица выводится старик, комментирующий происходящее, напоминает поэту «Фасты»⁹⁴. У нас нет никаких оснований предполагать, что поэт рассказывает здесь о реальном факте. Вряд ли можно согласиться с учеными, утверждающими на основании данного стихотворения, что Овидий собирал в своем доме гетов и вел с ними беседы на моральные темы⁹⁵. Вместе с тем поэт упоминает в «Послании» о том, что имена его римских друзей уже известны жителям город-

⁸³ Ex Ponto III, 2, ст. 1—36.

⁸⁴ Ex Ponto III, ст. 81.

⁸⁵ Ex Ponto III, ст. 89.

⁸⁶ Ex Ponto III, ст. 92.

⁸⁷ Ex Ponto III, ст. 96.

⁸⁸ Ex Ponto III, ст. 101—102.

⁸⁹ Ex Ponto III, ст. 61; Eurip., Iphig. in Taur. ст. 29—30.

⁹⁰ Ex Ponto III, ст. 57—58; Eurip., Iphig. in Taur. ст. 37.

⁹¹ Ex Ponto III, ст. 53—54; Eurip., Iphig. in Taur. ст. 28—29.

⁹² Ex Ponto III, ст. 92; Eurip., Iphig. in Taur. ст. 909—910.

⁹³ Ex Ponto III, ст. 45. Fast. II, ст. 679; III, ст. 264, 581.

⁹⁴ Fast. IV, ст. 685. 777—778 и сл.

⁹⁵ L o z o v a n, ук. соч., стр. 403.

ка⁹⁶. На эти слова Овидия, мне думается, стоит обратить внимание. Дело в том, что в числе его друзей и покровителей было много видных государственных деятелей и влиятельных римлян: П. Фабий Максим, сыновья Мессалы Корвина, Мессалин (консул 3 г. до н. э.) и Котта Максим, приближенные Германика К. Помпоний Грекин и его брат Л. Помпоний Флакк, С. Помпей, оратор и учитель Германика К. Салан, хранитель Палатинской библиотеки Макр и др. То положение, которого достиг к концу своей жизни в Томи Овидий (он был освобожден от налогов в декретах, выставленных в городах в его честь, и увенчан почетным венком⁹⁷), свидетельствует о том, что томиты видели в нем не только поэта, но и видного гражданина Рима. С Л. Помпонием Флакком, знакомым ему еще по Риму, знаменитый изгнанник мог общаться и в Томи, куда тот был прислан в качестве префекта. Поэт, несомненно, мог выступать с рецитацией «парадных» стихотворений, в которых он прославлял видных римлян, своих друзей, и рассказывал о различных сторонах жизни Рима, малознакомых еще в то время томитам. Как раз в четвертой книге «Посланий» мы встречаем элегии, где подробно описывается деятельность римского консула, толпа, собирающаяся в его доме, заседание сената, беседы консула с Августом и Тиберием, внешний вид курульного кресла и т. п.⁹⁸

Все эти детали вряд ли могли представлять особый интерес для римских читателей. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в своих стихотворениях поэт подчеркивает значительность своего положения в Риме. Так, подробно рассказывая о вступлении Грекина в консульство, Овидий замечает, что если бы он сам был в это время в Риме, то находился бы в ближайшем окружении консула (среди его *amicorum*)⁹⁹. Он пишет, что будет справлять этот праздник и в своем доме в Томи, а следовательно, и местное население будет знать о дружбе Овидия с римским консулом¹⁰⁰. Несмотря на тот «клиентский тон», который характерен для обращения Овидия к С. Помпею, с кем его связывали, по-видимому, отдаленные родственные отношения, в «Посланиях», обращенных к нему, поэт также постоянно подчеркивает свою близость к этому крупному римскому вельможе¹⁰¹. Можно высказать предположение, что Овидий, решившись покинуть свой корабль и совершить сухопутный переход через Фракию во время путешествия в Томи, надеялся на помощь С. Помпея, бывшего в это время правителем Македонии. Возможно, что через его посредство поэт обратился с просьбами к Августу о смягчении наказания и перемене места изгнания. Однако это обращение Помпея не имело, по-видимому, успеха. Тогда влиятельный покровитель дал Овидию сопроводительный отряд и снабдил его средствами, как об этом сообщает впоследствии сам поэт¹⁰². Тот факт, что при жизни Овидий не дерзнул обратиться к Помпею с посланием, может свидетельствовать о том, что он не хотел вызвать гнева принцепса и самого Помпея, напомнив в какой-то степени о той роли, которую сыграл этот видный римлянин в его защите.

Все это, однако, лишь предположения, как и многое другое, связанное с причинами изгнания и взаимоотношениями Овидия с принцепсом и его семейством. Из четвертой книги «Посланий» мы узнаем, что поэт организовывал на свои деньги празднование дня рождения «бога» (Августа) в Томи

⁹⁶ Ex Ponto III, 2, ст. 37—38.

⁹⁷ Ex Ponto IV, 9, ст. 99—105; 14, ст. 52—56.

⁹⁸ Ex Ponto IV, 5, ст. 10—26; 4, ст. 27—42; 9, ст. 20—55.

⁹⁹ Ex Ponto IV, 9, ст. 9—18, 35.

¹⁰⁰ Ex Ponto IV, ст. 55—56.

¹⁰¹ Ex Ponto IV, 1, ст. 23—36; 4, ст. 43—50 и др.

¹⁰² Ex Ponto IV, 5, ст. 31—40.

и что он ежедневно совершал на своем домашнем алтаре возлияния всему семейству Юлиев ¹⁰³. Серебряные изваяния всех членов «дома Августа» прислал ему Котта Максим. Именно Котте Овидий не раз жаловался в своих посланиях на то, что он уже не может быть римским поэтом, что его слава покинула Рим вместе с ним и что она стала ему безразлична, так как город этот ныне далек от него, как легендарная Индия или небесные Плеяды ¹⁰⁴. Изгнанник пишет, что его муза довольствуется ныне «театром» Понта и ему достаточно того, что на побережье Евксина появился в его лице талантливый поэт ¹⁰⁵. В заявлении Овидия, что он стал теперь «почти гетским поэтом» ¹⁰⁶, при всей горечи этих слов, несомненно, содержатся элементы истины. Однако под «гетским поэтом» следует понимать стихотворца, пользовавшегося греческим языком и выступавшего перед обитателями греческого городка. Вполне возможно, что при этом Овидий вводил в свои стихотворения и какие-то элементы местного произношения. Римские друзья, как это видно на примере Котты, помогали Овидию завоевать в Томи репутацию лояльного гражданина и тем облегчить ему возможность возвращения на родину. Поэт посылает в Рим элегию, посвященную Паннонскому триумфу Тиберия, предсказывая Ливии близкую победу над Германией ¹⁰⁷; он прославляет подвиг Весталиса, освободившего придунайскую крепость Тройсмис от гетов ¹⁰⁸, посвящает специальное стихотворение апофеозу Августа ¹⁰⁹. По словам самого поэта, после изгнания его произведения были изъяты из общественных библиотек Рима ¹¹⁰. Те стихотворения, которые он пишет в Томи, издаются его друзьями для небольшого круга почитателей поэта. Друзья Овидия, очевидно, должны были, по его мнению, доводить их до сведения окружения принцепса, гнев которого может смягчиться, наконец, под влиянием безупречного поведения поэта в Томи и соблюдения им «официального этикета» по отношению к семейству Августа.

Второе упоминаемое Овидием выступление перед гетами было посвящено апофеозу Августа и прославлению Тиберия и Ливии. Поэт утверждает, что оно было составлено на «гетском языке». Содержание произведения изложено самим автором. «Я прославлял Августа, и моей неопытности (в этом роде поэзии) помог благосклонный бог. Я рассказывал, что тело родителя Августа было смертным, а его божество (пшмен) вознеслось на его небесную родину, что есть наследник, равный ему доблестью, который после многих отказов взялся за управление государством. Что ты, Ливия, Веста для целомудренных матерей, неизвестно кого достойна ты больше — супруга или сына. Имеются и два юноши, твердая опора отца, которые уже дали веские свидетельства своих дарований... После того как я прочитал это, написанное не „отечественной каменной“, и пальцы мои коснулись последнего листа, геты задвигали головами и полными стрел колчанами. Раздался долгий рокот одобрения. Поздравь меня: я понравился и получил имя среди диких (*inhumanos*) гетов» ¹¹¹.

Очень возможно, что это сообщение поэта основано на реальном факте. Во всяком случае, совершенно ясно, что стихотворение носило «официаль-

¹⁰³ Ex Ponto IV, 9, ст. 105—116.

¹⁰⁴ Ex Ponto I, 5, ст. 71—86.

¹⁰⁵ Ex Ponto I, 5, ст. 63—64, 66, 68—69.

¹⁰⁶ Ex Ponto IV, 13, ст. 17—18.

¹⁰⁷ Ex Ponto III, 4, ст. 93 и сл.

¹⁰⁸ Ex Ponto IV, 7.

¹⁰⁹ Ex Ponto IV, 6, ст. 17—18.

¹¹⁰ Trist. III, 1, ст. 59—72.

¹¹¹ Ex Ponto IV, 13, ст. 23—36; см. также ст. 21—22.

ный характер» и было вызвано сменой правителей в Риме. Возможно, что присягу Тиберию должны были принести не только римляне, но и обитатели провинций. Торжественное собрание по этому поводу могло состояться и в Томи, и видную роль на нем мог сыграть знаменитый римлянин, проживший в этом городке уже пять лет. Поэт сообщает нам в послании одну чрезвычайно интересную деталь, которая также может служить косвенным доказательством реальности такого собрания с рецитацией поэта. Овидий рисует колоритную картину вооруженных гетов, выражающих одобрение его речи движением своих колчанов ¹¹². Об обычае некоторых племен собираться для решения различных вопросов вооруженными сообщает, например, Тит Ливий. Он описывает собрание вооруженных вольсков, напугавшее римских послов в 218 г. до н. э. при их возвращении из Карфагена ¹¹³. Тацит свидетельствует о том, что у древних германцев самым высоким знаком одобрения оратору было потрясение оружием (*honoratissimum adsensus genus est armis laudare*) ¹¹⁴. Вместе с греками на собрании в Томи могла присутствовать и привилегированная часть гетского населения, по обычаю вооруженная. Сам по себе этот рассказ Овидия и тематика его стихотворения гармонируют со всей той картиной «романизации» Придунайской области и Боспора, которая известна нам и по другим источникам. Надписи в честь Ливии и Августа связаны с деятельностью царицы Боспора Динамии, называвшей себя, как известно, *φιλέρωμαλος*; на ее монетах чеканилось изображение Ливии и слово *Pietas* ¹¹⁵. Портретные изображения Августа и Тиберия встречаются и на монетах боспорских династов начиная с 13 г. н. э. ¹¹⁶ Монеты с изображением Августа и Тиберия чеканятся и в Томи около 15 г. н. э. В этом городе сооружается и храм в честь богини Ромы и Августа. До нас дошла монета времени Тиберия с изображением этого воздвигнутого значительно ранее храма, украшенного четырьмя ионическими колоннами ¹¹⁷. Культ Августа и Тиберия существовал в начале I в. н. э. и в Истрии, и в Каллатисе ¹¹⁸.

Таким образом, римлянин Овидий в последние годы своей жизни в Томи выступал, по-видимому, в роли носителя римской идеологии и культуры и пользовался признанием томитов как видный гражданин Рима. В своем послании Тутикану поэт благодарит томитов за все оказанные ему почести, подчеркивая, что в своем отношении к нему они показали, что являются «истинными греками» ¹¹⁹. Значит, Овидий высоко чтит в Томи не гетов, а прежде всего греков, которые признали в нем выдающегося поэта Рима, пострадавшего по капризу своевольной фортуны. Жители Томи соорудили ему после смерти роскошную гробницу у стен города ¹²⁰, которую, возможно, видел еще Германик, вскоре после смерти Овидия побывавший на Понте и имевший обыкновение посещать места погребения великих людей ¹²¹.

В 30-х годах нашего столетия во время железнодорожных работ в районе старых кладбищ в Констанце, недалеко от вокзала, был найден великолепный саркофаг, который сначала приняли за принадлежавший Овидию.

¹¹² *Ex Ponto* IV, 3, ст. 35—36.

¹¹³ *Li v.*, *Ab urbe condita*, 21, 20.

¹¹⁴ *T a c.*, *Germania*, 11; *L a m b r i n o*, ук. соч., стр. 386—387.

¹¹⁵ *Г о л у б ц о в а*, Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры, стр. 103—104.

¹¹⁶ Там же, стр. 113.

¹¹⁷ *V u l p e*, *Ovidio...*, стр. 59.

¹¹⁸ Там же, стр. 59—60.

¹¹⁹ *Ex Ponto* IV, 14, ст. 47—48.

¹²⁰ *V u l p e*, *Ovidio...*, стр. 62.

¹²¹ *S u e t o n.*, *Caligula* 3; *T a c.*, *Ann.* II, 54.

Однако тщательное его исследование показало, что он относится уже ко II в. н. э.¹²²

Выполняя в Томи все обязанности по отношению к главе римского государства, Овидий вместе с тем даже в «Посланиях», написанных в последние годы жизни, обнаруживает свою неприязнь к Августу. Главные надежды он возлагает на Германика, в котором видит не только государственного деятеля, но и поэта. Он пишет, что в Германике как бы соединились Юпитер с Музой, что он напоминает Аполлона, одинаково хорошо владеющего и стрелами и лирой¹²³. В числе друзей Овидия было много приближенных Германика (Грекин, Солан, Суиллий). Некоторые современные ученые предполагают, что литературное общение Овидия с Германиком было оживленным еще в Риме¹²⁴. Идеал правителя был выдвинут Овидием уже в «Метаморфозах». В этой поэме он начертал образ древнеримского царя Нумы, супруга нимфы Эгерии и ученика Пифагора¹²⁵. Интересно отметить, что рядом с посланием к Котте, в котором поэт изображает себя униженным просителем, возносящим мольбы к римским божествам (numina) — изображением семейства Августа, стоящим на его домашнем алтаре¹²⁶, — Овидий помещает знаменитое обращение к царю одризов Котису, написанное в совершенно других тонах. В этом правителе он видит носителя высоких моральных качеств («приходить на помощь человеку — вот дело, достойное царя»), смелого воина и Орфея фракийцев¹²⁷. Котис действительно был знаменит своей гуманностью и поэтическим талантом¹²⁸. Какой смысл, не без ехидства замечает Овидий, приносить Юпитеру жертвы (о них только что шла речь в предыдущем послании), если этот бог все равно не помогает просителю¹²⁹.

Таким образом, официально возвеличивая Августа, поэт как бы надевает на себя маску, из-под которой иногда проглядывает его настоящее лицо. Высокие моральные качества римлянина: pietas, clementia, humanitas, candor animi — восхваляются во многих скорбных элегиях и посланиях. Сам поэт обнаруживает их постоянно и в своих отношениях к друзьям, и к жителям Томи, и при характеристике любимых героев своей поэмы «Метаморфозы». Однако анализ автопортрета, созданного в поэзии изгнания, — это задача уже другого самостоятельного исследования.

В «Тристиях» и «Посланиях с Понта» литературовед и историк может найти еще много нового, малоисследованного материала, который существенно обогатит наше представление о римском человеке «века Августа» и о месте, где Овидий провел последние годы жизни.

¹²² E. Colin, Un sarcophage à symboles a Tòmis, «Istros», I, 1934, fasc. 1, стр. 81—116.

¹²³ Ex Ponto IV, 8, ст. 75—78.

¹²⁴ Froesch, ук. соч., стр. 97—98.

¹²⁵ Met. XV, ст. 4—6; 479—484. Fast. III, ст. 275—280.

¹²⁶ Ex Ponto II, 8, ст. 21—73.

¹²⁷ Ex Ponto II, 9, ст. 11—12, 45—62.

¹²⁸ Tac., Ann. II, 64; Anthol. Pal. XVI, 75.

¹²⁹ Ex Ponto II, 9, ст. 23—27.

OVID'S *TRISTIA* AND *LETTERS FROM PONTUS*
AS HISTORICAL SOURCE MATERIAL*by N. V. Vulikh*

Recent studies published abroad about Ovid's poetry of exile contain some postulates — for example, that Ovid mastered the Getic language, that the Getae had the custom of trial by ordeal — which are refuted by careful analysis of Ovid's works. In fact, the author notes, any historian who looks for information on real conditions in these poems must understand the nature of the poet as well as of his work. Ovid, observing the world about him with the eyes of an educated Roman of the Augustan age and with the general notions (about what is beautiful, what ugly, about barbarians, etc.) that were habitual in a man of this sort, on occasion reveals the acuteness of his vision. Of particular value to the historian is Book IV of the *Letters* containing data on Ovid's activities in Tomi as a Roman citizen in A. D. 14—17. In some of his picturesque descriptions of dress, customs and nature on the Black Sea coast there are details of real life not yet noticed by modern scholars, the authenticity of which has been confirmed by excavations in Rumania. In the last years of his life the cultural life of Tomi was on a comparatively high level, and the poet took an active part in it, conversing with the Tomians not in Getic but in Greek.
